

ИЗ "ИСТОРИИ МОЕГО СОВРЕМЕННОКА"

В конце 1877 года умер Некрасов. Он хворал давно, а зимой того года он уже прямо угасал. Но и в эти последние месяцы в "Отечественных записках" появлялись его стихотворения¹. Достоевский в своем "Дневнике писателя" говорит, что эти последние стихотворения не уступают произведениям лучшей поры некрасовского творчества². Легко представить себе, как они действовали на молодежь. Все знали, что дни поэта сочтены, и к Некрасову неслись выражения искреннего и глубокого сочувствия со всех сторон.

Был у меня в то время приятель, студент Горного института, очень радикальный, очень добродушный и комически наивный в своем радикализме. Он передавал мне, будто собираются подписи под адресом Некрасову студентов всех учебных заведений. Смысл адреса он на своем выразительно-наивном языке кратко резюмировал так:

- Слушай, брат Некрасов. Тебе все равно скоро помирать. Так напиши ты этим подлецам всю правду, а уж мы, будь благонадежен, распространим ее по всей России.

Я только засмеялся, и, конечно, адрес, с которым студенты обратились к больному поэту, был написан умно, тепло и хорошо. Говрили, что Некрасов был им очень растроган³.

Когда он умер (27 декабря 1877 г.), то, разумеется, его похороны не могли пройти без внушительной демонстрации. В этом случае чувства молодежи совпадали с чувствами всего образованного общества, и Петербург еще никогда не видел ничего подобного. Вынос начался в 9 часов утра, а с Новодевичьего кладбища огромная толпа разошлась только в сумерки. Полиция, конечно, была очень озабочена. Пушкин в "Поездке в Эрзерум" рассказывал, как на какой-то дороге, на границе Грузии и Армении, он встретил простую телегу, на которой лежал деревянный гроб. "Грибоеда везем", - пояснили ему возчики-грузины. Тело самого Пушкина, как известно, было вывoločено из Петербурга подобным же образом, бесчестно и тайно. Эти времена давно прошли, и власти были уже не в силах удержать проявление общественных симпатий. Некрасова хоронили очень торжественно, и на могиле говорили много речей. Помню стихи, прочитанные Панютиным⁴, потом говорил Засодимский⁵ и еще несколько человек, но настоящим событием была речь Достоевского.

Мне с двумя-тремя товарищами удалось пробраться по верхушке каменной ограды почти к самой могиле. Я стоял на остроконечной жестяной крыше ограды, держась за ветки какого-то дерева, и слышал все. Достоевский говорил тихо, но очень выразительно и проникновенно. Его речь вызвала потом много шума в печати. Когда он поставил имя Некрасова вслед за Пушкиным и Лермонтовым, кое-кому из присутствующих это показалось умалением Некрасова.

- Он выше их, - крикнул кто-то, и два-три голоса поддержали его.

- Да, выше... Они только байронисты.

Скабичевский со своей простоватой прямолинейностью объявил в "Биржевых ведомостях", что "молодежь тысячами голосов провозгласила первенство Некрасова". Достоевский отвечал на это в "Дневнике писателя"⁶. Но когда впоследствии я перечитывал по "Дневнику" эту полемику, я не встретил в ней того, что на меня и многих моих сверстников произвело впечатление гораздо более сильное, чем спор о первенстве, которого многие тогда и не заметили. Это было именно то место, когда Достоевский своим проникновенно-пророческим, как мне казалось, голосом назвал Некрасова последним великим поэтом из "господ". Придет время, и оно уже близко, когда новый поэт, равный Пушкину, Лермонтову, Некрасову, явится из самого народа...

- Правда, правда... - восторженно кричали мы Достоевскому, и при этом я чуть не свалился с ограды.

Да, это казалось нам таким радостным и таким близким. Вся нынешняя культура направлена ложно. Она достигает порой величайших степеней развития, но тип ее, теперь односторонний и узкий, только с пришествием народа станет неизмеримо полнее и потому выше.

Достоевский, разумеется, расходился в очень многом и очень важном со своими восторженными слушателями. Впоследствии он говорил о том, что народ признает своим только такого поэта, который почитает то же, что чтит народ, то есть, конечно, самодержавие и официальную церковь. Но это уже были комментарии. Мне долго потом вспоминались слова Достоевского, именно как предсказание близости глубокого социального переворота, как своего рода пророчество о народе, грядущем на арену истории.

Примечания

Похороны Некрасова были важным событием в жизни Владимира Галактионовича Короленко (1853-- 1921). Короленко в то время учился в Петербурге, в Горном институте и входил в круг революционно-народнической молодежи. Его воспоминания ценны воспроизведением отношения студенчества к Некрасову.

Воспоминания Короленко о похоронах Некрасова входят во вторую книгу "Истории моего современника", которая была завершена в 1918 году (опубликована в 1919 году).

Печатается по изданию: В. Г. Короленко, Собрание сочинений в десяти томах, т. 6, Гослитиздат, М. 1954, стр. 197--199.

¹ Стр. 486. Имеется в виду цикл стихотворений "Последние песни".

² Стр. 486. См. стр. 66.

³ Стр. 487. См. стр. 451.

⁴ Стр. 487. Какие стихи читал журналист Л. К. Панютин - неизвестно.

⁵ Стр. 487. См. стр. 478.

⁶ Стр. 488. См. стр. 484.